
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Издательство Томского университета
2021

С.Е. Григорьева, Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк
ТОМСКИЙ КРАЕВОЙ МУЗЕЙ
И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
(1920-е гг.)*

Проблема охраны памятников истории и культуры, а точнее – сохранения культурного наследия, ныне находится в центре внимания томской общественности, активно обсуждается в социальных сетях и в университетских аудиториях. В русле этих обсуждений на страницах научных изданий развернулась своеобразная дискуссия, участники которой обращаются к истокам общественного движения по сохранению и использованию памятников [1–7]. Как и следовало ожидать, в дискуссии высказываются различные мнения, в обсуждении которых мы намерены уточнить нашу точку зрения о характере памятникоохранительной деятельности в Томске в 1920-х гг. и о роли в ней Томского краевого музея (нынешнего ТОКМ).

По имеющимся научным публикациям известно, что работа по охране памятников в России в целом, и в Томске в частности, проводилась в XIX – начале XX в. силами общественности при содействии и поддержке государственных структур, прежде всего подразделений Министерства народного образования и Святейшего Синода. В ходе Революции 1917 г., когда изменились формы власти и управления, руководство охраной памятников сосредоточилось в Наркомате просвещения, в марте 1918 г. в его составе была организована коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а к 1925 г. в результате преобразований в Наркомате просвещения было создано Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями. В управлении, наряду с научным и художественным отделами, действовал музейный отдел с подотделами учета и охраны, музейным, реставрационным и археологическим [8. С. 94–96, 121].

Формирование новых органов государственного управления способствовало переменам на местах. Так, весной 1918 г.

---

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2018. № 30. С. 201–209.

в составе Томского губисполкома был создан отдел по народному образованию, при нем организован отдел музеев и архивов. Сотрудники отдела планировали в короткие сроки открыть в Томске Западно-Сибирский краевой музей, а для этого объединить университетский Археологический музей, общественный Музей прикладных знаний, формировавшийся Сибирский областной научно-художественный музей и коллекции, собиравшиеся в Томском церковно-археологическом обществе. Местом размещения будущего музея был выбран архиерейский дом на Почтамтской улице (совр. Томский областной краеведческий музей) [7. С. 182].

Этим планам не суждено было сбыться, но идея сохранения и собирания памятников культурного наследия продолжала оставаться в центре внимания томской научной интеллигенции и в годы Гражданской войны, и в последующий период. Как известно, зимой 1919/20 г. в Томске были воссозданы органы управления Советской власти, и в составе губернского отдела народного образования (губнаробраз) сформировалась, наряду с другими, секция охраны памятников искусства и художественной старины, в 1922 г. преобразованная в комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, или губмузей. Как и повсеместно в стране, деятельность по охране памятников в Томске была тесно связана с музеями. (Свидетельства тому – все законоположения и инструкции об охране памятников в 1920-х гг.) Поэтому практически сразу после организации секции по охране памятников группа художников, членов секции, Д. Ильин, Г. Засыпкин М. Берингов и М. Поляков, отправилась на осмотр архиерейского дома, который, как указывалось, предназначался под музей еще в 1918 г.

Сохранилось свидетельство М.Б. Шатилова, который писал: «Начальный момент в истории возникновения Томского краевого музея, документально зафиксированный, относится к 14 февраля 1920 года, когда специальной комиссией был произведен осмотр мебели бывшего архиерейского дома, так называемого дома Асташева, являющейся ценным образцом мебели стиля ампир, и самого здания – этого ценнейшего художественно-архитектурного памятника 40-х годов в том же стиле ампир». И далее Шатилов привел текст документа, составленный комиссией: «Констатируя факт уничтожения и порчи весьма редких

памятников искусства XIX века в бывшем архиерейском доме, комиссия в интересах сохранения в дальнейшем уцелевших предметов постановила: 1) сделать опись предметов, 2) немедленно предложить отд[елу] нар[одного] образ[ования] объявить охрану означенных в описи предметов государственной важности, взять их на учет и установить непосредственную охрану их, 3) для сохранения обстановки необходимо предоставить помещение бывшего архиерейского дома под Музей старины и революции, 4) обо всем вышеизложенном довести до сведения [председателя] Наркомпроса тов[арища] Луначарского» [9. С. 29–30].

Интересно, что непосредственный участник описываемых событий, художник А.Н. Тихомиров дал несколько иное освещение происходившего в Томске в начале 1920 г.: «В эти же дни началась музейная работа. Был организован п[од]о[тдел] охраны памятников искусства и старины. Один из первых шагов художников был именно направлен к созданию музея, – взят под охрану один из интереснейших домов Томска со всей находившейся в нем мебелью той же эпохи – б[ывший] архиерейский дом – дом Асташева – красивая и стильная постройка 40-х годов. Телеграмма Н.И. Троцкой закрепила за музеем это помещение, но прошло еще два года, пока благодаря энергии и решимости зав[едующего] губоно Тизанова, губнаробраз выехал из этого здания» [9. С. 14–15].

Была ли послана телеграмма, известий об этом не обнаружено, но в Государственном архиве Томской области сохранилась заверенная копия письма в Томский губревком на бланке отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения. В этом письме, датированном 2 сентября 1920 г., от имени заведующего отделом по делам музеев (эту должность тогда занимала Н.И. Троцкая), предлагалось освободить архиерейский дом, занятый канцелярией губнаробраза, и передать его в ведение подотдела по делам музеев «для организации музея». В документе прозвучало требование: «Отдел настаивает на передаче дома ввиду того, что он, являясь архитектурным памятником, не должен быть занимаем канцелярией и, кроме того, единственно подходящее помещение для открываемого музея и для научно-просветительной деятельности его, т. е. устройства выставок и лекций» [10. Л. 90].

Распоряжение из Москвы было передано в Томский губернский образ, занимавший архиерейский дом с конца марта 1920 г. Руководители наробразы сообщали, что они не против «устройства в доме научно-просветительного музея», и добавляли о своей готовности освободить все помещения, в которых размещалось 15 различных учреждений народного образования со 150 служащими, если в городе найдется «другое вполне приспособленное к его нуждам здание» [10. Л. 88–89; 11. Л. 59].

Понадобилось два года, чтобы проблема расселения архиерейского дома была решена и второй этаж был передан в распоряжение музея. Но два нелегких года не прошли даром, они были наполнены большой собирательской работой для музея. Прежде всего, 27 января 1920 г., то есть еще до осмотра архиерейского дома, К.М. Молотов, именованный комиссаром народного просвещения Томской губернии, обратился в учетно-реквизиционную комиссию Томского ревкома с предложением передать в секцию охраны памятников искусства и художественной старины в распоряжение М.М. Полякова «все имеющиеся на учете комиссии художественные ценности...». И потребовал: «Впредь при реквизиции имущества разных квартир, если будут художественные ценности, передавать их в хранилище» [12. С. 5]. Вслед за этим из отдела народного образования Томского губернского (временного органа власти в Томской губернии в 1920 г.) в коммунальный отдел ревкома было направлено еще одно письмо, в котором излагалось следующее: «Ввиду поступления на склад коммунального отдела предметов, представляющих иногда художественный интерес (картин, гравюр икон, старинных портретов и различных предметов обихода: старинной мебели, посуды, фарфоровых изделий, старинных тканей, парчи и кружев, ковров и материала, из которого составляется в Томске Народный музей искусства и художественной старины), секция охраны памятников искусства и старины просит коммунальный отдел способствовать обогащению Народного музея и сообщать о поступлении новых предметов вышеупомянутого характера» [12. С. 5–6]. О поступлении предметов и коллекций в музей свидетельствует инвентарная книга, обнаруженная А.А. Донцовой в архиве Томского областного краеведческого музея. Первые записи в ней были датированы октябрем 1920 г. [13. С. 15]. С этого момента заведения инвентарной книги

и нужно считать начало памятникоохранительной деятельности Томского музея. В продолжение двух последующих лет в музейное хранилище передавались зарисовки, фотографии и описания памятников архитектуры, которые делали томские художники во главе с А.Л. Шиловским. Материалы раскопок в Томске и его окрестностях доставляли археологи В.Ф. Смолин и И.М. Мягков. Художница Проскурякова привезла из своей поездки по Нарымскому краю изделия из бронзы, обнаруженные ею случайно в с. Подгорном. (Эти находки положили начало археологическим разысканиям Мягкова, которые, в свою очередь, обеспечили богатейший материал для изучения кулайской культуры в ТГУ в 1960–80-х гг.)

Опираясь на декрет Совнаркома РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», подотдел по делам музеев, охраны памятников искусства и старины собирал картины, висевшие в Гарнизонном клубе, в столовой № 2, в городском театре [12. С. 16, 18; 14. Л. 67]. На музейное хранение передавали вещи различные томские учреждения: из губрозыска поступил старинный револьвер, из губсоюзса – кремниевое ружье, шитый бисером «остяцкий» пояс, из губфинотдела – денежные знаки антисоветских правительств, из губпоследгола – старинные деньги, богослужебные предметы [15. С. 13; 16. С. 188–191]. Особую ценность представляла коллекция старопечатных книг и рукописей, которую реквизируют сотрудники Томского уездного исполкома у крестьянина-старообрядца Нифантова и передали в музей. Кроме того, по свидетельству М.Б. Шатилова, в фонды Томского музея поступили мебель архиерейского дома, принадлежавшая ранее золотопромышленнику Асташеву, коллекция предметов искусства Китая и Японии, собранная М.А. Полумордвиновым, сойотская коллекция художницы С.К. Просвиркиной [9. С. 32].

Силами подотдела по охране памятников искусства и старины были организованы три художественные выставки, на которых экспонировались собранные в музее работы Шиловского и его коллег. По сведениям художника А.Н. Тихомирова, к выставкам были приурочены его доклады на тему «Томское барокко» и «Памятники села Семилужного». Один доклад «Крестьянские

постройки Томской губернии» был подготовлен профессором Томского технологического института, художником-любителем Н.И. Молотиловым [9. С. 16].

Первая попытка открыть музей предпринималась в феврале 1921 г. Тогда от имени подотдела по делам музеев Томского губнаробраза было отправлено объявление в газету «Знамя революции» со следующим сообщением: «Подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, дом губнаробраза доводят до сведения всех граждан и учреждений, что ими вследствие получения помещения организуется художественно-исторический музей с отделениями живописным, архитектурным и историко-археологическим». Вслед за этим появилась информация о наборе сотрудников музея, а в хозяйственный подотдел Томского губнаробраза была направлена просьба выдать «одну лампочку для музея, комната № 10, ввиду спешной работы по открытию музея к съезду деятелей по музейному делу и охране памятников искусства и старины, открытие которого состоится 10 марта 1921 г.». Однако эти попытки закончились неудачей, сохранились свидетельства очевидцев: штат неполный, сотрудники голодные, помещения нет, музей временно располагается в Гарнизонном клубе [12. С. 15–17; 17. С. 32]. И только год спустя было наконец принято решение о передаче бывшего архиерейского дома под музейное учреждение. В День Парижской коммуны, 18 марта 1922 г., состоялось открытие первой экспозиции. Эта дата впоследствии стала отмечаться как день открытия музея, но мы считаем возможным и необходимым ввести в памятный календарь томской культуры дату 14 февраля 1920 г., послужившую отправной точкой в деле создания Томского краеведческого музея.

Первоначально организация музейной экспозиции в архиерейском доме, судя по некоторым фактам, мыслилась руководством как временная. Но опираясь на постановление Совнаркома от 19 апреля 1923 г. о закреплении на местах недвижимого имущества за учреждениями, подведомственными Главмузею, постановлением Наркомата просвещения РСФСР за Томским музеем были закреплены занимаемые им помещения. Окончательное решение было принято после того, как 13 июля 1925 г. вышло постановление Совнаркома РСФСР, согласно которому

здание архиерейской домово́й церкви, архиерейский дом и вся бывшая усадьба золотопромышленника И.Д. Асташева на Ленинском проспекте, 38 (ныне пр. Ленина, 75) были полностью переданы Томскому краевому музею. В составе музейного имущества были бывший асташевский угловой дом с мезонином, каменные пристройки к нему (бывшая церковь), а также каменные и деревянные надворные постройки (амбар, навес, конюшня, баня) [18. Л. 1, 3, 9; 19. Л. 21; 17. Л. 34]. Закрепление самого красивого и стильного здания в Томске за краевым музеем, как он стал называться с октября 1922 г., стало самым важным событием в деле охраны памятников в Томске в 1920-е гг.

В первые годы после открытия Томский краевой музей не имел сколько-нибудь серьезных возможностей для памятнично-охранительных работ, поскольку, как и весь Томск, по выражению одного из советских руководителей, «задышался от недостатка средств» [20. 26 янв.]. Тем не менее, по словам М.Б. Шатилова, «вся органическая работа краевого музея по охране памятников искусства и старины ведется общими силами с губмузеем, и этот последний выступает особо лишь как административный орган в случае необходимости проведения тех или иных формально-правовых мероприятий по охране памятников» [9. С. 40]. Так, в 1923 г. член совета Томского краевого музея Б.П. Юхневич осмотрел постройки на Степановке, связанные с жизнью декабриста Г.С. Батенькова. По итогам были представлены документы в губмузей, который, по свидетельству Шатилова, «принял формальные меры по охране этих строений от дальнейшего разрушения». При обследовании закрытой степановской церкви были обнаружены старинные иконы и две книги с автографами Г.С. Батенькова. Все найденное было включено в музейные фонды [9. С. 42–43].

Во время служебной командировки в Кузбасс сотрудник музея, а чуть позже руководитель губмузея З.С. Гайсин освидетельствовал памятники искусства и старины в Щегловском и Кузнецком уездах. По плану, выработанному в Томском краевом музее, он обследовал Кузнецкую крепость, домик Достоевского и развалины церквей. В результате были приняты меры к охране ценных памятников истории и культуры. Одновременно заведующий краевым музеем М.Б. Шатилов инициировал

обследование кельи старца Федора Кузьмича на бывшей усадьбе Хромова в Томске и часовни над могилой старца в Алексеевском мужском монастыре. Он же возбудил ходатайство перед Томским горкомхозом об охране и реставрации памятников на могилах томских ученых Салищева, Тимофеевского, Потанина на кладбище бывшего женского Иоанно-Предтеченского монастыря [12. С. 67–69]. Но все обращения остались без положительного ответа.

Более успешной была работа по охране памятников архитектуры и археологии. Летом 1927 г. сотрудник музея И.М. Мягков, архитекторы А.М. Прибыткова и Е.С. Балакшина осмотрели некоторые памятники архитектурной старины, совместно с художником Н.А. Коринным было проведено обследование старинной живописи (иконописи) томских церквей [21. Л. 6]. На основании собранных материалов (фотографические снимки, зарисовки) в Томском краевом музее были подготовлены документы о государственной охране наиболее важных архитектурных памятников г. Томска. Своеобразным итогом памятникоохранительной деятельности Томского музея в первое десятилетие его работы стало предложение, полученное от отдела народного образования Сибирского крайисполкома в 1928 г. «взять на себя функции окружной комиссии в части охраны археологических памятников» и приступить к составлению каталога [12. С. 50].

Следует сказать о том, что сотрудники Томского краевого музея обращались к рассмотрению методологии и истории охраны памятников. В декабре 1926 г. И.М. Мягков и П.Г. Иванов приняли участие в работе 1-го Сибирского краевого научно-исследовательского съезда в Новосибирске, и первый из них выступил с докладами «Охрана и изучение памятников искусства» и «Задачи изучения искусства туземных племен» [17. С. 63–64]. А в 1-м выпуске Трудов Томского краевого музея были опубликованы две посмертные статьи А.Л. Шиловского, в которых автор обосновывал художественную и историческую ценность томской архитектуры, призывал к ее сохранению [22, 23].

Так Томский краевой музей выполнял одно из важнейших предназначений – быть организатором работ по охране памятников истории и культуры, собирать, хранить и изучать эти памятники.

Источники и литература

1. Григорьева С.Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 1. С. 137–140.
2. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 381. С. 119–122.
3. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 397. С. 81–90.
4. Григорьева С.Е. Томский областной краеведческий музей: на этапе становления // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2016. № 4 (24). С. 148–152.
5. Донцова А.А. Создание и деятельность секции по охране памятников искусства и старины при Томском губернском отделе народного образования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2016. № 1. С. 122–132.
6. Донцова А.А. Деятельность Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузей): июль 1921 – май 1925 г. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2017. № 25. С. 137–146.
7. Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2017. № 422. С. 181–190.
8. Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы / гл. ред. К. Аймермахер. М.: РОССПЭН, 2004. 312 с.
9. Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 1: Труды музееведов 1920-х гг. / Э.И. Черняк, Н.М. Дмитриенко, И.А. Сизова, Л.А. Лозовая, А.Д. Дементьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 184 с.
10. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 82.
11. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 61.
12. История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 11. С. 3–159.
13. Донцова А.А. Государственная охрана памятников культуры в Томске в 1920-е гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2018. 22 с.
14. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 197.
15. Галкина Т.В. Дары и дарители. (Из истории формирования фондов Томского краеведческого музея) // Труды Музея г. Северска. Вып. 1: Музей и город. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 13–18.
16. Малофиенко Е.А. Формирование коллекции мебели Томского областного краеведческого музея // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 11. С. 188–197.

17. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. 253 с.
18. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 604.
19. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 22.
20. Красное знамя. Томск, 1923.
21. ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 91.
22. Шиловский А.Л. Художественные сокровища г. Томска // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 53–56.
23. Шиловский А.Л. Деревянная архитектура г. Томска // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 57–64.

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк
МИХАИЛ БОНИФАТЬЕВИЧ ШАТИЛОВ:
РЕВОЛЮЦИОНЕР И МУЗЕЕВЕД*

Научно-исторический интерес к судьбам томских революционеров начал складываться в 1920-х гг., когда был создан местный отдел истпарта [1]. Силами его штатных сотрудников и самих участников революционного движения стали собираться документальные материалы, фотографии, воспоминания, были опубликованы первые статьи о событиях Революции 1917 г. в Томске и их участниках, конечно, официально признаваемых. Впоследствии такие публикации продолжались до конца 1980-х гг. Что касается активных деятелей революции меньшевистского толка, в их числе и М.Б. Шатилова, то они оказались в центре внимания исследователей только в 1990–2000-х гг. Именно тогда увидели свет статьи о М.Б. Шатилове, в которых кратко излагалась биография, характеризовалась его общественно-политическая и научная деятельность [2–12]. Продолжить начатое, исправить неточности, сформировать объективное представление о политической и музееведческой деятельности Шатилова, используя доступные архивные документы, периодику и документальные публикации, – такая задача поставлена в данной статье.

---

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2018. № 31. С. 211–227.